

Вечерний Ленинград
с. Ленинград
21 июля 1975

У КНИГИ Ю. Смирнова-Несвицкого, выпущенной недавно Ленинградским отделением издательства «Искусство», точное название: «Зрелище необычайнейшее. Маяковский и театр». Из доброго десятка известных афоризмов поэта о миссии революционной сцены — каждый просится на титул — выбрана строка, лучше других выразившая пафос поиска.

Особое внимание автор уделил неповторимости театра Маяковского. Думается, что с самого начала он избрал верный и плодотворный путь, энергично поддерживая и развивая идею прочной связи поэзии, лирики Маяковского и его произведений для сцены. В своих рассуждениях Ю. Смирнов-Несвицкий движется по двум направлениям: вскрывает драматургическую, театрализованную природу стиха Маяковского с одной стороны, с другой — пристально вглядывается в лирическое, метафорическое начало пьес поэта.

Вообще автор не спешит разложить наследие Маяковского по жанровым и тематическим полкам: здесь поэзия, а там драматургия; тут патетика, а вот сатира... Он стремится нащупать и вскрыть единую основу. Прорисовать личность поэта. Сблизить трагический пафос поэм и игривую деловитость рекламного двустихия, агитационно-нравоучительную оценку и строку, коснувшуюся вечных основ бытия и мироздания.

Отсюда своеобразная композиция книги, внешне лишенной жесткой логической последовательности, допускающей возвраты и повторения, но преследующей задачу показать целостность характера героя: Маяковского-поэта, Маяковского-актера, Маяковского-драматурга.

Ю. Смирнов-Несвицкий умело читает Маяковского, прорываясь сквозь верхний слой текста, наносной хрестоматийный глянец, чувствуя драматическую основу, ощущая жест и действие поэта и в лирике, и в драме. Большое внимание в книге уделено выступлениям поэта, как в дореволюционную пору, так и во время поездов по Стране Советов. Маяковский-лирик работал здесь рука об руку с Маяковским — актером и режиссером.

В МИРЕ КНИГ ТЕАТР ПОЭТА

Законы жизни таковы, что мы со временем привыкаем к самым неожиданным вещам и явлениям. Перестаем ощущать дерзость и новизну решений. «Владимир Маяковский. Трагедия» — так называлась первая драматическая проба поэта. История театра знает немало случаев, когда автор пьесы выступал и одним из ее исполнителей. Но вот были ли случаи, когда он становился ее главным действующим лицом? Не знаю. Помоему, нет. А Маяковский смело пошел на это, далеко не ради эпатажа, а чтобы прямо заявить о своих отношениях с миром. И во время первых представлений «Мистерии-буфф» в Петрограде в 1918 году поэт выступает на подмостки с монологом Человека просто, опять зримо подчеркнув авторскую волю. В комедиях конца двадцатых годов «Клоп» и «Баня» таких прямых выходов нет. Тем не менее именно отчетливо выраженное лирическое, личностное начало диктует своеобразнейшую структуру этих пьес.

В книге уместно приведены слова Вс. Мейерхольда о том, что Маяковский писал свои пьесы таким образом, чтобы затем можно было «вкомпоновать» в них самого себя как личность. И автор в своих раздумьях резонно опирается на них, когда пишет об особой природе конфликта в драматургии Маяковского. Здесь основными антагонистами выступают не положительные и отрицательные герои, а Маяковский и Присыпкин, Маяковский и Победоносиков.

Мне нравятся современный строй книги. Он проявляется и в том, что прочерчена — правда, иногда досадно белое — нелегкая сценическая история пьес Маяковского. От «Трагедии», первых постановок «Мистерии-буфф» в 1918 и 1921 годах через мейерхоль-

довские версии «Клопа» и «Бани» к пятидесятым годам, поре «второго рождения» театра Маяковского.

В книге справедливо отмечено тонизирующее действие творчества поэта на смежные искусства. Автор пишет о балете «Клоп» в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова и опере Э. Лазарева, созданной по мотивам сатирической комедии, о телевизионном варианте «Бани», поставленной Д. Карасиком, и кукольном фильме С. Юткевича. Пишет, не впадая в панегирик, отмечая достижения и издержки, ревностно не принимая мельчания патетики и сатирического запала. Вполне органично входит в этот рассказ и анализ произведений, посвященных личности поэта. Зло и точно сказано об иллюстративной композиции А. Липовского «Революцией мобилизованный». Вскрывает противоречия между работой Н. Черкасова и общим тоном, неким «социологическим схематизмом» пьесы В. Катаняна «Они знали Маяковского» (постановка Академического театра драмы имени А. С. Пушкина). Запальчиво и влюбленно разобран острый и неистовый спектакль «Послушайте!» в Московском театре драмы и комедии на Таганке.

Современность книги сказалась и в предчувствии новых обращений к наследию Маяковского-драматурга, в попытках дать совет, подсказать возможные решения. Наконец, современен ритм книги, чуждой холодного академизма и описательства, — ритм нервный,

порой захлебывающийся. Строка тяготеет к афористической завершенности, итоговости. Однако давно известно, что недостатки наши есть продолжение достоинств наших. В книге «Зрелище необычайнейшее» ритмическая напряженность рассказа порой оборачивается скороговоркой. Иногда создается ощущение беглости, поспешности выводов. Не хватает пауз, во время которых можно подробнее взглянуть в суть явления.

Так случилось, что я видел почти все «маяковские» спектакли, начиная с середины пятидесятих годов. Поэтому могу по достоинству оценить суть энергичных реплик критика. Но не следует забывать, что сегодня книгу откроют и те, для кого, скажем, первые постановки четвертьвековой давности в Московском театре сатиры уже история. Они не могли их видеть. Им нужен более подробный рассказ, например, о работе В. Ленко в роли Присыпкина, об образном строе «Мистерии-буфф» и так далее.

Порой Ю. Смирнов-Несвицкий поддается соблазну представить на страницах книги «набор» популярных имен. Появляется такой текст: «Драматургия Маяковского, Горького, Леонида Андреева, Карела Чапека, Бертольда Брехта, Евгения Шварца, конечно, живет в более конструктивном, рационалистическом состоянии». Ратуя за выявление особенности, необычности театра Маяковского, критик здесь рискует смазать свои попытки. Ведь за каждым из названных имен — целый мир, уникальный, своеобразный, сложнейший. Выявляя родство, непременно надо учитывать «лица необщее выражение». Если же объем книги не позволяет — лучше не упоминать. А такие перечни нет-нет да и появляются, снижая уровень разговора.

В целом же книга привлекает влюбленностью автора в Маяковского, ощущением его наследия как явления живого, современного и насущного. Уверенностью в том, что драматургия поэта еще долгие годы будет привлекать наши театры новизной решений и той страстной энергией любви и ненависти, которой исполнены его пьесы.

В. ЛАВРОВ